

КомпасГид
издательский дом

Эллейн Л. Уэбстер

Толковый словарь Эс Джей

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67246098
Толковый словарь Эс Джей: КомпасГид; 2022; 2022
ISBN 978-5-907514-33-1

Аннотация

Тринадцатилетняя Саманта решает начать все с нуля. Первым делом – сменить имя: теперь она Эс Джей. Затем – найти друзей: новый город, кажется, идеально подходит для этого. И наконец – сохранить свою тайну. Для этого надо ни в коем случае не допускать прежних ошибок и быть внимательнее.

Друзья появляются быстро: отзывчивая Оливия, готовая познакомить Саманту с городом; приветливый Сэм (почти тезка!), которому явно приглянулась новенькая; Хайди и Мали, красавицы и настоящие звезды школы. Все идет как надо – до первой вечеринки. Тут история поворачивает на сценарий, до боли знакомый Саманте: косые взгляды, смешки, подначивания. Но в чем она виновата?! Она же не выбирала себе больную кожу!

На новом месте, в новой школе, в новой компании девушке предстоит посмотреть на саму себя так, как она не смотрела прежде. Проблемы, буквально вгоняющие героиню в краску, кажутся непреодолимыми, но главное слово тут – «кажутся».

Оливия, Сэм и даже Хайди с Мали могут ей помочь – каждый по-своему.

Австралийская писательница Эллейн Л. Уэбстер, дважды лауреат старейшей в стране премии в области детской литературы CBCA Awards, – мастер создавать живые и вызывающие доверие подростковые характеры. Ее персонажи говорят на том же языке, что и читатели, и переживают те же трудности. К счастью – всегда находят способ с ними совладать, так что книга становится надежным путеводителем по сложному миру подростков. На русском языке Эллейн Л. Уэбстер публикуется впервые.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	50
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Эллейн Л. Уэбстер

Толковый словарь Эс Джей

Originally published under the title SENSITIVE by Allayne L. Webster

Copyright © Allayne L. Webster 2019

First published in Australia in 2019 by University of Queensland Press

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. оформление. ООО «Издательский дом «Тинбук», 2022

* * *

Несмотря на то что произведение написано на основе жизненного опыта автора, это вымысел. Имена, герои, предприятия, места, события, происшествия либо являются плодом воображения автора, либо используются в вымышленных ситуациях. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или покойными, или с реальными событиями абсолютно случайно.

*Дэрилу,
который любит меня такой, какая я есть, и сидел на жестком стуле у моей больничной кровати неделю за неделей, и никогда, ни разу, не жаловался*

Глава 1

Я решила перестать быть собой. Всё. Конец игры. Доступ запрещен.

Нет, я не превращаюсь в жертву по сценарию «Вторжения похитителей тел»¹ – пока. И мне не предстоит пластическая операция или переезд в Антарктиду или куда там едут люди, скрываясь от своего прошлого, – хотя такое расстояние между мной и матерью могло бы спасти жизни. На самом деле я сделала то, что уже протестировали, испробовали и полюбили телесценаристы по всему миру, – уехала в другой город.

Новый город. Новая Я.

Формально я не принимала решение о переезде – переехали мои родители, а меня просто потащили за собой. В тринадцать у тебя не так много возможностей для выбора. Сначала я расстроилась из-за этого, но потом меня осенило. Это случилось, когда мама активно расхваливала мне и братьям наше будущее: «Только подумайте, как здорово будет жить в Кингстоне!»² Это живописный городок с пляжем, ры-

¹ «Вторжение похитителей тел» – триллер/фэнтези; фильм режиссера Филипа Кауфмана, снятый в 1978 году по мотивам романа Джека Финни «Похитители тел». Включен Стивеном Кингом в список наиболее значимых произведений жанра с 1950 по 1980 годы. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, – примеч. пер.)

² Кингстон – небольшой город в Австралии, в штате Южная Австралия. Расположен в 240 километрах от столицы штата Аделаиды.

бацким причалом, парками, стадионами, новыми друзьями, новыми занятиями. Это шанс создать себя заново!»

Обычно я не соглашаюсь *ни с чем*, что говорит или делает мама, но эти ее последние слова – те, что про шанс создать себя заново, – ладно, она права. В кои-то веки.

Я бы рассказала вам, *почему* я хочу создать себя заново, но Новая Я не любитель излишней откровенности. Новая Я неуловима. Таинственна. Несговорчива. Уперта, как вши у первоклашек.

– Прекрати, Саманта! – шикает мама.

– Я больше не Саманта. – Она меня реально не слышит. – Я Эс Джей.

– Прекрати, Эс Джей.

– Прекрати что?

Мамина бровь взмывает вверх.

– Сама знаешь что.

Мы приехали за покупками в новый супермаркет. Мама говорит, пора начать готовить нормальную еду. Покупая два месяца готовую, родители, похоже, набрали на двоих семь килограммов – бóльшая часть которых (по словам мамы) досталась папе. Я вроде как согласна, но ей об этом не говорю.

Мама любит ходить за покупками со мной вдвоем. Она говорит, что проще думается, когда мои братья не дергают ее за руки. Дилан и Роун *очень* надоедливые. Они как вирус Эбола и Ким Чен Ын в одном флаконе. В магазине они

медовой пастой со странным названием. Это похоже на еду хиппи – не то чтобы я знала каких-нибудь хиппи, но они сто процентов едят нечто подобное. На бежевой этикетке корявые буквы и изображение пчелы в шляпе фермера, будто это всё рисовал восьмилетка. – Написано, что она обладает органическими лечебными свойствами.

– Без разницы.

– Да ладно тебе, Сэм. В смысле, Эс Джей. Мы не должны сдаваться, верно?

Мама злится, когда я не хочу пробовать что-то новое. Она постоянно тычет мне в лицо каким-нибудь новым продуктом. *Попробуй это. Попробуй то.* Спорить бесполезно.

Я закатываю глаза.

– Ладно. Отрывайся.

Медовая паста отправляется в тележку. Следом за ней соус с такой же этикеткой.

– Вот это настоящая бодрость духа, – говорит мама. – Кто знает, что в итоге сможет помочь!

Мы подходим к стеллажу с гигиеническими принадлежностями.

– Папа хотел дезодорант и крем для бритья, – напоминаю я.

– Да, да, хорошо. – Она показывает на коробку с тампонами. – Уже ведь недолго осталось, а? Может быть, совсем скоро?

Парень, который выбирал туалетную бумагу, обернулся в

нашу сторону. Я хочу умереть. Почему бы ей не взять громкоговоритель и не сообщить об этом всему миру?

– Не смотри на меня так, Саман...

– Эс Джей!

– Не смотри на меня так, Эс Джей. Я просто спросила. Тебе уже тринадцать. Это должно скоро случиться. – Она подталкивает меня локтем и подмигивает.

Моя мама заслуживает дополнительные баллы за энтузиазм. Она считает, что тринадцать – это магическое число. Тринадцать лет – и я официально тинейджер. В тринадцать у меня должны начаться месячные (у мамы начались в тринадцать). В тринадцать у меня может прекратиться моя кожная болезнь из-за гормональной перестройки и всего этого (надеюсь, здесь она окажется права).

Мама бросает в тележку лак для волос, воск для укладки, салфетки для снятия макияжа и три бруска мыла. Берет лосьон с дозатором, изучает этикетку и кидает его следом.

– Наверное, надо купить тебе еще сорболиновый крем⁴. – Она говорит это таким голосом, типа «ну если нужно». Абсолютно нормально, что папе потребовался крем для бритья или дезодорант; нет проблем, если мама купит себе салфетки для снятия макияжа; но, если мне нужен сорболиновый крем, это всем причиняет колоссальные неудобства.

– Не волнуйся. Думаю, у меня еще есть.

⁴ Сорболиновый крем – специальный увлажняющий крем для ухода за раздражительной кожей, склонной к экземе и псориазу.

– Хорошо. – Мама ставит флакон обратно. – Куплю его в следующий раз, когда поеду в город. Здесь он дороговат.

Девочка из моей прошлой школы в Брокен-Хилл⁵, Изабелла Форсайт, пользовалась сорболиновым кремом. Я видела, как она снимала с его помощью макияж. Она накладывала крем густым слоем, размазывала и снимала детскими влажными салфетками. Изабелле не нужен сорболиновый крем. Ей вообще *ничего* не нужно. Изабелла ужасно прекрасна. Вокруг нее всегда камеры. Когда она рядом, вянут цветы на клумбах. Сорболиновый крем – последнее, что ей может понадобиться.

– Шампунь тоже придется купить в городе, – говорит мама, изучая следующую этикетку. – Эти все содержат лауретсульфат натрия.

– Лаурет *что*?

– Ну, знаешь, такое вещество, из-за которого у тебя на голове начинается зуд. Мы же не хотим, чтобы у тебя всё опять стало шелушиться.

Ах, *это*.

Мама сильно переживает о том, как я выгляжу. Она постоянно мне твердит, как надо себя вести и что первое впечатление много значит. Папа говорит ровно обратное. По его словам, главное – мозги, а не то, как ты выглядишь. Но он школьный учитель. А школьному учителю сказать такое – как нечего делать.

⁵ Брокен-Хилл – небольшой город в Австралии, в штате Новый Южный Уэльс.

У меня была возможность понять, что папа от мамы реально недалеко ушел. Как-то он рассказывал мне историю своего знакомства с мамой. Начал с того, что увидел ее в баре, с копной мягких светлых волос, со сверкающими голубыми глазами, и тут же понял, что ему *необходимо* с ней поговорить. Она еще и рта не раскрыла, а ему уже было *необходимо* поговорить с ней. Я спросила: «А если бы мама оказалась страшилищем в бородавках, с большим крючковатым носом и кривыми зубами, ты бы всё равно хотел с ней поговорить?» Он засуетился и сменил тему.

Мама сворачивает с тележкой к ряду с туалетной бумагой и изучает стеллаж с какашечными билетиками (это мой брат Роун так их называет). Раздумывает, какие купить по выгодной цене. Я наклоняюсь и чешу лодыжку. Мама толкает меня локтем. Раньше она била меня по рукам, но теперь перестала. Когда я была маленькой, мама коротко обстригала мне ногти и упаковывала мои руки в варежки. Я теперь старше – пожалуй, она не сможет уже так просто меня связать.

Мы направляемся к рядам с молочной продукцией. Мама хватает упаковку йогуртов и несколько кусков сыра. У молочной витрины стоит высокая девчонка с темными кудрявыми волосами и длинными загорелыми ногами и изучает упаковку взбитых сливок. Она смотрит на меня.

Я знаю, что слишком таращусь. Но... *Как бы я хотела такие ноги!*

Девчонка ставит упаковку со сливками обратно на полку.

– Клевые кроссовки. – Она подходит ближе, чтобы рассмотреть мои «аидасы».

На одной ноге у меня розовые шнурки, на другой – зеленые. В Брокен-Хилл у всех были такие.

– Они просто бомба.

Я улыбаюсь.

– Спасибо. Они новые.

Мама тут же влезает:

– Я миссис Бэклер. Приятно познакомиться.

Девчонка смотрит на маму так, будто та заговорила с ней на суахили, и засовывает руки в карманы.

Мама нервно хихикает.

– Это моя дочь Саман... То есть *Эс Джей*. Мы недавно переехали из Брокен-Хилла.

– Я знаю вас, – спокойно сообщает девушка. Мама моргает. – Мой дядя Барри – риелтор. Вы въехали в учительский дом на берегу. Вид на океан, кухня-студия, воздушное канальное отопление, три спальни плюс кабинет, гараж на две машины.

У мамы отпала челюсть.

– Э-э-э, да, всё верно, – заикается она.

Девчонка поворачивается ко мне.

– Оливия Хамфрис. Все называют меня Лив или Ливви, выбирай. – Она выжидательно улыбается. – У тебя есть братья, верно?

В этот момент я понимаю, что мой план стать женщи-

ной-загадкой под угрозой срыва. Мистер Барри, дядя этой Лив-или-Ливви, похоже, работает на АСБР – Австралийскую службу безопасности и разведки (то есть службу австралийских секретных агентов). Бабушка рассказывала мне про АСБР. Они знают всё, кроме, пожалуй, цвета вашего нижнего белья. Бабушка говорит, что именно поэтому она любит путешествовать – это держит их в тонусе. Прямо сейчас она в Новой Зеландии карабкается по древним вулканам.

– Учителя говорили, что скоро к нам присоединится еще одна семья, – рассказывает Лив-или-Ливви. – У тебя есть велосипед? Я могу показать тебе окрестности.

Мама оживает. Но потом свет в ее глазах гаснет, и я слышу, как начинают тикать ее тревожные часы. *Тик-так, тик-так, тик-так.* Она думает, что, если я пойду куда-то одна, меня утащит большой страшный волк, порубит на куски и сварит из меня суп. В последний раз, когда она это заявила, я ответила, что не стоит волноваться – я буду носить красную шапочку только по выходным. Мама тогда сказала: «Ты не будешь так громко смеяться, когда станешь героиней одного из главных сюжетов в шестичасовых новостях». Глупое утверждение: похититель вряд ли посадит меня перед телевизором, чтобы я полюбовалась собой на экране. Но в этом вся моя мама. У нее живое воображение. И оно становится еще живее после вина.

– Где твоя мама, дорогая? – спрашивает мама.

Боже. Ей обязательно было говорить «дорогая»?

Она что, не знает: так выражаются только старики?! Я начинаю краснеть. Очевидно, мама собирается устроить настоящую проверку, чтобы на сто процентов удостовериться: семья Лив-или-Ливви не убийцы с топорами. Или, хуже того, не голосуют за либеральную партию.

– Мама дома, – отвечает Лив-или-Ливви. – Я весь день гоняю на велике по городу.

Мама трет подбородок, обдумывая эту информацию.

– Я могла бы подбросить Эс Джей к вам домой. Познакомишь меня со своей мамой?

Лив-или-Ливви бросает на меня взгляд.

– Я к вам подъеду. Вы же скоро будете дома?

– Ну... пожалуй, – отвечает мама с усталостью в голосе. – Минут через двадцать.

– Тогда увидимся! – Лив-или-Ливви хватая банку со сливками и отправляется на кассу.

Мама смотрит ей вслед.

– Похоже, я попала в ловушку.

– Тебе обязательно было называть ее «дорогая»?

Мама фыркает и закатывает глаза.

Мы хватаем огромную упаковку какашечных билетиков и идем к кассе.

Очереди нет, и мы сразу подходим к кассиру. Нас обслуживает девушка ненамного старше меня. У нее рыжие волосы и светлая фарфоровая кожа. Я *всегда* смотрю на кожу других людей.

Она пробивает наши покупки.

– Как прошел ваш день? – Что-то в голосе кассирши под-
сказывает мне, что она не может не задать вопрос.

– В хлопотах, – отвечает мама. – Прекрасная погода, не
правда ли?

Девушка кивает с улыбкой. Затем она смотрит на меня,
потом еще раз. Я беру какие-то конфеты из кучи мелочевки
у кассы и притворяюсь, что читаю этикетку. Девушка про-
бивает еще несколько товаров. Наконец любопытство берет
верх.

– Это вы так обгорели или у вас настолько чувствительная
кожа?

Вот так. Прямо здесь. Сложно было удержаться.

Новая Я хочет спросить: «Это у вас *словесный понос или
такая невероятная грубость?*» Но Старая Я еще сильна.
Привычки, которым следовал всю жизнь, сложно изменить.
Я прячусь за волосами.

Мама хватается продукты, запихивая их в сумки с рвением
паникера, закупающегося перед концом света.

– Моя дочь страдает от сильной экземы.

О боже. Приехали. Заберите меня отсюда. Сейчас же.

– С этим не так просто жить, знаете ли.

– Мам! Это обязательно?!

– К вашему сведению, это называется хронический ато-
пический дерматит, – продолжает мама, не обращая на ме-
ня внимания. – Это кожное заболевание. Расстройство ауто-

иммунного характера. Ужасная, жестокая болезнь. Слышали что-нибудь об этом?

Девушка мотает головой. На ее лице выражение: «Боже мой, леди. Простите, что спросила».

– Ее вины в этом нет, – продолжает разглагольствовать мама. – Это не психосоматика. Это по-настоящему. И она очень расстраивается, когда кто-то указывает на это.

– *Мам...*

– Я еще не закончила! – Она поворачивается обратно к девушке. – Я водила ее к бесчисленному количеству докторов. Ее осматривали больше врачей, чем платьев у вас в шкафу, юная леди.

Когда моя мама в ударе, ее не остановить. Она как заезженная пластинка, которую никто не выключит. Мама собирается рассказать кассиру историю моей жизни и не видит для этого никаких препятствий. Скоро по всему городу разлетится новость: «*Познакомьтесь с новым местным фриком – Эс Джей*». Круто для создания новой себя.

Мама продолжает:

– Я испробовала всё, что только возможно: лосьоны, рецепты врачей, домашние средства. Ничего не помогает. *Ничего*. Мы сошли с ума, стараясь понять, в чём причина. Домашние животные, трава, пыльца, еда – это может быть что угодно! Как, черт возьми, нам знать то, что даже врачам неизвестно?

Девушка поднимает руку, подзывая старшую по смене.

– Мне нужно в уборную. – Она даже не стала ждать, пока ее кто-то сменит. Просто оставила нас у кассы.

Как только девушка оказалась вне зоны слышимости, я взрываюсь:

– Мам! Ты серьезно?!

Мама закрывает лицо руками.

– Я знаю. Я опять это сделала.

– Ты могла просто сказать, что я обгорела на солнце. Мы обычно так всем и говорим. Это намного проще, чем объяснять всё это!

– Я просто... Я устала от вопросов, Саманта. Они как будто думают, что я плохая мать. Будто я не обращаю на это внимания... Не знаю, почему мне пришло в голову, что переезд в другой город станет...

Я останавливаю ее:

– Мам, я привыкла к этому. Всё в порядке.

Но на самом деле я никогда не привыкну. Я это ненавижу. Ненавижу свою кожу. И больше всего ненавижу себя за то, что никак не могу на это повлиять.

– Нет, не *в порядке*, Саманта. Нечестно, когда люди заставляют тебя чувствовать себя не такой, как все.

Я не утруждаюсь объяснениями, что это *она* заставляет меня чувствовать себя не такой, как все.

Хватаю сумку с продуктами.

– Давай отнесем это домой. Девочка, с которой мы разговаривали, может быть, уже ждет. Я бы хотела поехать с ней

покататься.

Женщина средних лет с жесткими седыми волосами и табличкой с именем «Рита» занимает место за кассой. У Риты в карман фартука засунуто два с лишним десятка ручек. Я хочу спросить ее зачем, но она заводит тот же сценарий, что и девушка до нее:

– Здравствуйте! Как прошел ваш день?

Мама сжимает губы и продолжает паковать продукты.

– День был совершенно потрясающий, – говорю я. – Спасибо, что спросили, Рита!

Она смотрит на меня и громко и протяжно свистит.

– Бог ты мой! Кто-то провел слишком много времени на солнце? И забыл нанести защитный крем?

Мама выглядит так, будто вот-вот взорвется. Я смеюсь.

– Да, я сейчас как свекла.

– Вам стоит обратить внимание на крем с защитой 50+, милая. – Она бросает взгляд на маму, будто говоря: «*Купи крем, скряга!*» – В седьмом ряду. Он сейчас по специальной цене: шестнадцать девяносто пять.

– Спасибо, Рита. У меня дома есть. Я просто забыла его нанести.

Мама сует комок наличных в руку Риты, хватает продукты и вылетает за дверь.

На парковке с мамой случается взрыв номер два. Она ругается и продолжает говорить о том, какие люди грубые, невнимательные, нечувствительные и глупые. На нас смот-

рят все вокруг: грубые, невнимательные, нечувствительные и глупые люди. Одна старушка качает головой.

– Мам, мы можем уже ехать?

– Да, да. Хорошо.

Я забираюсь на переднее сиденье – к счастью, стекла у нас затемненные. Если так прошел наш поход в магазин, что будет в моей новой школе?

Не уверена, что хочу знать ответ.

Глава 2

Мы были дома уже десять минут, когда прозвенел звонок. Это Лив-или-Ливви (именно в тот момент я решила называть ее Ливви). Она стоит у крыльца в таких же кроссовках, как у меня. Должно быть, съездила домой и переобулась.

– Готова? – спрашивает Ливви, собирая темные кудряшки в хвост и надевая повязку на голову. Ее длинные загорелые ноги блестят на солнце.

– Идем! – выкрикиваю я через плечо.

Я хватаю велосипед из гаража и с трудом еду вниз по дороге. Наш новый дом стоит на холме, и подобраться к парадной двери – всё равно что вскарабкаться на египетскую пирамиду. Папа говорит, что земляные работы потребуют целого состояния. Мама напомнила ему, что это собственность департамента образования и они, скорее всего, смогут себе это позволить – с учетом всех продолжающихся сокращений. Подозреваю, это был сарказм.

– Всегда хотела скатиться с этой горки, – говорит Ливви. – Ты не пробовала?

Это действительно приходило мне в голову. Как и то, что мне уже тринадцать вообще-то. Кататься с горок – это совсем по-детски.

– Наверное, если бы попробовала, груди было бы больно. – Ливви обхватывает свою грудь. Только сейчас я увидела, что

ее грудь уже вполне обрела свой постоянный адрес. Моя пока еще в пути. – Они мешаются, правда?

– Ну да.

– Мне подарят новый велосипед на тринадцать лет, – говорит Ливви, маневрируя и забираясь на велик. Ее велосипед ярко-розовый, помятый, с корзиной с желтым цветком. – А когда тебе будет тринадцать?

Я запрыгиваю на велик и следую за ней.

– Было в прошлом месяце.

– А, черт. Ты могла попросить новый. Хайди и Мали тоже получают новые велики.

– Кто такие Хайди и Мали?

– Девочки из школы.

– Они твои подруги?

– Вроде того.

Не понимаю, как можно быть с кем-то *вроде друзьями*.

– Поедем к Большому лобстеру⁶, ладно? – предлагает Ливви.

Я уже была у Большого лобстера – или *Лобстера Ларри*, как называют его местные, – в первый день, когда мы приехали в Кингстон. Я видела скульптуру на открытках и в рекламных проспектах, но увидеть Большого лобстера вжи-

⁶ Большой лобстер – достопримечательность Кингстона. Представляет собой скульптуру лобстера высотой семнадцать метров. Был открыт в 1979 году для привлечения внимания к расположенному поблизости ресторану. Сегодня считается одним из самых ярких примеров «больших скульптур» Австралии, число которых в стране превышает сто пятьдесят.

вую – это совсем другое. Он огромный. Когда мы его изучали, милый европейский турист предложил нам сделать фото. А потом попросил маму об обратной услуге. Мама потратила вечность, суетясь вокруг него и выбирая самый удачный ракурс, и вся компания парня была такая: *«Да просто сделай уже это наконец!»* Когда мама в итоге закончила, он показал нам фото других больших штук, которые он видел. А видел он все: Большой банан, Большой ананас, Большую лошадку-качалку. Большие штуки – большое дело.

Мы едем вдоль береговой линии в тени огромных сосен. За ними настолько далеко, насколько можно увидеть, простирается ярко-синий океан. Ливви рассказывает мне о причале и о магазинчике поблизости, где можно купить рыбу с картошкой фри. Она говорит, что неподалеку от Кингстона есть такой мыс Яффа, где рыбаки продают свой улов.

Мы поворачиваем на улицу, которая идет мимо отеля «Роял Мэйл», супермаркета и почты.

Ливви показывает на еще один магазинчик, где продают еду на вынос.

– Они выиграли медаль. За такие крабовые палочки можно умереть. А там две пекарни. В одной пироги вкуснее, чем в другой.

Я думаю, что стоило взять блокнот для записей.

Солнце припекает мне спину. Струйки пота текут по шее под майку, собираются на груди. Я сажу прямо, позволяя велосипеду свободно ехать, и тру рубашку, чтобы облегчить

зуд. Ливви не замечает. Мы делаем круг и направляемся к главной улице. Большинство магазинов закрыты. У обочины припарковано всего две машины.

– Тут всегда так пустынно? – спрашиваю я, начиная задыхаться.

Ливви спокойно едет дальше.

– Не всегда. Сегодня воскресенье. Все дома, или на тренировке, или на вечеринке, или еще где.

Мы доезжаем до парка Апекс и направляемся к небольшому островку недалеко от Марайа-Крик⁷, где стоят солнечные часы. Это *человеческие* солнечные часы – время можно определить по своей тени. Ливви показывает мне на две заправки по разным сторонам дороги и рассказывает, что на одной курицу готовят лучше, чем на другой. По ее мнению, это крайне важная информация для тех, кто здесь живет.

Мы подъезжаем к Большому лобстеру и видим прямо перед ним припаркованный туристический автобус. Туристы слоняются вокруг с таким видом, что они уже были там-то и видели то-то, а теперь готовы садиться в автобус – скорее всего, чтобы доехать до киоска и купить сувениров. Мама приобрела там целую кучу магнитов на холодильник. «*Мы же в Кингстоне*», – сказала она.

Ливви бросает свой велосипед у ног Ларри и идет внутрь. Она забирается в его хвост, огромную розовую чашу, вкопанную в землю. Я лезу следом. Мы под его красным пузом,

⁷ Марайа-Крик – небольшой город, граничащий с Кингстоном.

и должна сказать, это довольно жутко. Ларри весь в чешуйках и пластинах, как настоящий рак.

Ливви сидит, скрестив ноги, и смотрит вверх.

– Что думаешь?

– Довольно забавно.

Вся конструкция из стеклопластика, из нее торчит ржавая арматура. Надеюсь, она прочная. Не хотелось бы, чтобы на моей могильной плите появилась надпись: «Здесь лежит Эс Джей Бэклер, раздавленная насмерть гигантским ракообразным».

– Местная легенда гласит, что строители не поняли задумку архитектора и напутали с измерениями. Он не должен был быть таким громадным.

Она отковыривает несколько камней из-под хвоста.

– Не знаю, правда это или нет. Если да, то они облажались по полной.

– Не то слово.

– Ты уже пробовала лангустов?

– Нет еще.

– Мы кормим ими собаку, – говорит Ливви, пожимая плечами.

Но лангусты стоят целое состояние! Их любят всякие пафосные ребята. Должно быть, родители Ливви при серьезных деньгах.

– Мой папа – ловец лангустов. Точнее, матрос. Это всё, что мы едим. – Она строит гримасу. – Меня это так достало.

Интересно, что бы сказала мама, если бы узнала, что родители Ливви каждый день на ужин едят лангустов.

– А чем именно занимается матрос – ловец лангустов?

Ливви смеется.

– Я тебя обожаю! Ты как будто с другой планеты. – Она ерошит мне волосы. – Промысловым судном управляет владелец, а матрос – это типа его помощника.

Похоже, родители Ливви не так уж богаты.

– Купить лицензию стоит больше миллиона долларов. Многие здесь либо купили лицензию много лет назад, когда она стоила дешево, либо получили бизнес в наследство от родственников. Папа приносит на ужин хвосты лангустов, потому что иногда лангустов разрывают спруты и их уже нельзя продать.

– Спруты?

– Осьминоги. Они едят лангустов. Разрывают их и высасывают кишки. Иногда папа ловит спрута, отрезает ему голову, режет на мелкие кусочки и кидает обратно в котелок с наживкой. Получается, спруты едят лангустов, а лангусты едят спрутов.

– Это каннибализм.

Она задумывается.

– Нет. Если бы лангусты ели лангустов, вот это был бы каннибализм.

Ливви откидывается на гигантский хвост.

– Ну так что, – говорит она, – ты собираешься идти в этом

в понедельник в школу?

Я смотрю на свои «адидасы».

– На твоём месте я бы вытащила эти шнурки. Хайди и Мали они не понравятся.

Похоже, Ливви всерьёз заморочена тем, что думают эти девчонки. Я ещё даже не встречала Хайди и Мали и начинаю волноваться.

– Почему ты всё время это делаешь? – внезапно спрашивает она.

Я чешу живот. Мама говорит, я это делаю, даже не замечая.

– А, так, ерунда.

– Ты красная. Ты краснеешь, когда занимаешься? У моей тети Кэрол так. Она приходит из спортзала с таким лицом, будто кто-то её обжег.

– Мне просто жарко. И я хочу есть. Я чешу живот, чтобы он перестал урчать.

Ливви покупается на это.

– Похоже на правду. Поехали в магазинчик на стоянке. У них лучшие бутерброды. И у них там тонны леденцов на палочке. Что-то из этого тебя точно успокоит.

Она, очевидно, знает всё о фастфуде.

Мы едем по городу обратно. Я рулю позади Ливви, поэтому могу почесаться, когда нужно. У меня родился план: если мне надо будет унять зуд в школе, я сделаю это в туалете. Там я смогу чесаться вволю, и никто не узнает.

Глава 3

Первый день в школе начинается как обычно:

– Роун! Ради бога, поторапливайся! Ты надел футболку задом наперед. Картинка должна быть спереди.

– Мам, ты купила клубничный джем? Не могу найти.

– Дилан! Хватит играть в Xbox! *Сейчас же* обувайся!

– Кэрри! У меня сдох мобильник. Я могу взять твою автомобильную зарядку?

– Эс Джей! Выходи из ванной! Твои волосы отлично лежали еще три укладки назад!

– Дилан! Выключи чертову приставку!

– Боже, Дилан! Как в твоей обуви помещается целая песочница? Посмотри на ковер. Это Симпсон⁸.

– Мам, *пожа-а-а-алуйста*, купишь клубничный джем?

– Эс Джей, тебе намазать кремом спину?

– Дэйв, не забудь в этот раз принести ланч-бокс домой, у меня осталась уже только половина контейнеров, а они стоят три сотни долларов.

– Всем! Мы опаздываем! Живо в машину, сейчас же!

Я забираюсь на переднее сиденье. Мальчики сидят сзади. По дороге в школу я оцениваю свое отражение в зеркале заднего вида четыре или пять раз. Сегодня мне везет. Кожа на

⁸ Симпсон – песчаная пустыня в центре Австралии.

лице успокоилась, и краснота практически вся ушла. Я выгляжу почти нормальной.

Папа поправляет зеркало.

– Не переживай, Эс Джей. Ты хорошо выглядишь.

– Так уж хорошо?

Он улыбается.

– Ты выглядишь прекрасно.

Я закатываю глаза.

– Ты мой папа. Ты должен так говорить.

– Это часть *договора*.

– Какого договора?

– Договора, с которым ты к нам пришла.

– Ты странный.

– Быть странным лучше, чем быть нормальным.

Может быть, *нормальный* – это для папы и скучный. Но всё, чего я хочу, – быть нормальной.

Школа Кингстона оказалась довольно большой. В одном здании находятся начальная и средняя школы. Сначала я напугалась, потому что не хочу терпеть приставания Дилана и Роуна во время обеда, но папа сказал, что мы, скорее всего, не будем встречаться, так как старшие дети тусуют в других местах. Я порадовалась, когда это услышала. Не хватало еще и за младших братьев краснеть. С этим я и без них прекрасно справляюсь.

До переезда я прочитала брошюру Управления образования. Там говорилось, что местные жители – а не толь-

ко школьники – пользуются инфраструктурой школы, в том числе бассейном, спортзалом и библиотекой. Кроме того, школьный стадион служит в качестве городского футбольного поля. А еще тут есть секции и поле для нетбола⁹. Девиз школы – «*facta, non verba*», что в переводе с латинского значит «дела, а не слова». Мне это нравится – что-то делать, а не просто болтать. Новая Я как раз такая.

Моя классная руководительница, мисс Томас, более или менее нормальная. Она не рассказывает, что работает с моим отцом, – это поднимает ее рейтинг одобрения почти до небес – и просит кого-нибудь из класса показать мне школу. Ливви поднимает руку и с гордостью сообщает, что уже познакомилась со мной на выходных. Пара девочек презрительно фыркают. Похоже, Ливви не сильно популярна.

Мисс Томас зачитывает объявление школьной администрации о школьных шкафчиках и о происшествии с аэрозольным баллончиком и спортивными шортами, и тут у меня начинают сильно чесаться ноги. Я не могу сосредоточиться. Я тру ноги вместо того, чтобы чесать, и подтягиваю белые гольфы, расправляя складки. Слава богу, гольфы длинные и прячут рубцы на ногах. Школьная юбка в бело-синюю по-

⁹ Нетбол – традиционно женский вид спорта; игра, созданная в 1893 году на основе баскетбола. Жесткие правила баскетбола адаптированы для женщин. В настоящее время это самый массовый женский вид спорта в Австралии. Международная федерация нетбола не признает мужских и смешанных команд, но на любительском уровне существуют и те и другие.

лоску почти закрывает колени, поэтому слегка видны только коленные чашечки и кожа за коленями. Руки открыты, но дерматит только в локтевых сгибах. Если кто-то спросит, мое объяснение – «солнечный ожог».

На перемене Ливви знакомит меня с Хайди Пич и Мали Мак-Намара.

Спокойно. Дыши.

Знаете, как взрывная карамель трещит и лопается во рту? Именно это случилось с моими глазами, когда я увидела этих девочек. Они *самые красивые* девочки, которых я когда-либо видела. Кожа, волосы, глаза – всё идеально. Даже школьная форма – хотя она такая же, как у меня! У стройной блондинки Хайди пронизывающий взгляд голубых глаз и полные розовые губы. У Мали темная кожа и длинные роскошные ресницы, обрамляющие огромные карие глаза. Они обе могли бы быть моделями. Вышагивать по подиуму в Милане. Венера Милосская, если бы их увидела, затряслась бы в своей дурацкой раковине.¹⁰

Хайди оценивает мои «адидасы».

– Клевые.

Я замечаю, что у нее точно такие же.

¹⁰ Главная героиня немного перепутала различные изображения античных Венер. Венера Милосская (Афродита с острова Милос) – древнегреческая скульптура, созданная во II веке до нашей эры, представляет собой богиню, которая готовится купаться. Это копия знаменитой работы греческого скульптора Праксителя – Афродиты Книдской. С раковиной (в раковине) богиня Афродита изображалась в другом сюжете, связанном с ее рождением из пены морской.

– Да, классные, – соглашается Мали, накручивая блестящую прядь на палец. – Ну так что, почему вы решили сюда переехать? Твой папа матрос?

Хайди и Мали обмениваются полуулыбками.

Ливви роется в карманах и смотрит в другую сторону.

– Мои родители хотели перебраться к океану, – говорю я, стараясь выглядеть непринужденно. *Непринужденно* – это слово я выучила на уроках английского. Это значит, что ты стараешься вести себя так, будто тебе всё равно. – Они давно хотели *жить у океана*, это прямо их мечта.

– Мило, – говорит Мали.

– Да, мило, – повторяет Хайди. – Ты уже бывала на корабле? – Она искоса смотрит на Ливви. – Тебе надо прийти на корабль моего отца. Корабль новый, а на нижней палубе там стоит плоский экран.

Тут я вспоминаю, что Ливви рассказывала про стоимость промысловой лицензии. Если отцы Мали и Хайди владеют судами, они должны быть миллионерами. У этих девочек «двойное проклятие»: *красота и деньги*.

– У моего папы на судне объемный звук и минибар, – говорит Мали, хлопая своими невероятными ресницами. – Приходи покататься. – Она бросает взгляд на Ливви и добавляет: – В любом случае всю работу сделают матросы.

Я начинаю мечтать, чтобы у папы был свой корабль.

Ливви не очень умело меняет тему разговора:

– Что вы наденете на дискотеку?

– Еще не решила, – небрежно говорит Хайди. – А ты?

– Мы могли бы выучить танец под «Can't Touch It» Рики-Ли¹¹, – говорит Ливви.

Лицо Мали становится белее только что вымытой классной доски.

– Вообще-то эта песня уже довольно *старая*, разве нет?

– Лучше возьмем морскую тему, – говорит Хайди. – И наденем бикини.

Мали дает пять Хайди.

– Да! Точно!

Бикини. В моем списке ужасных слов «*бикини*» находится в самом верху. Примерно там же, где «*кроптопы*»¹² и «*шорты*».

В «Толковом словаре Эс Джей Бэклер» «*бикини*» является синонимом таких слов, как «*злодей*», «*чудовище*», «*сатана*».

– Бикини! – говорю я так, будто это лучшая из возможных идей. – Прекрасно!

Мне придется заболеть в день дискотеки. Со мной должно случиться тяжелое отравление. (Если вспомнить стряпню моей мамы, это не так сложно устроить.) Пока я жива, я *никогда* не надену бикини – никогда.

Мали выглядит довольной.

¹¹ Рики-Ли Колтер (р. 1985) – австралийская поп-певица, автор песен, теле- и радиоведущая. Ведущая телевизионного конкурса талантов «Australia's Got Talent».

¹² Кроп-топ – укороченный топ, обнажающий талию, пупок или даже весь живот.

– Ты играешь в нетбол? Еще не начался сезон, нам нужен игрок. Кирсти Норбетт сломала лодыжку и не сможет выходить на поле целый год.

– О! Это было бы здорово! Я в центре – главный связующий, – говорит Ливви. – И иногда играю за флангового защитника.

«Юбка для нетбола». Тоже в моем списке ужасных слов. Крошечные юбочки, которые задираются и обнажают спортивное белье. Голые ноги, ягодицы – полный комплект. Уверена, что спортсменки-нет-болистки в Кингстоне футболки тоже не носят. На верняка на них надеты узкие сверкающие майки или, хуже того, спортивные бра, которые открывают живот целиком. В Брокен-Хилл я носила треники и хлопковую футболку, и никому не было до этого дела. Я обожаю нетбол, но так сильно потею, что каждый раз после матча чешусь под мышками и под грудью как сумасшедшая. Мама не хочет, чтобы я играла. Она говорит, от этого моей коже становится хуже. То же самое происходит, когда я играю в баскетбол. И опять раздражение, и опять я вне игры. Если я захочу сыграть, то должна заплатить высокую цену.

– Я играла защитником в Брокен-Хилл, – говорю я им. – У нас была красная форма.

– Наша голубая, – невозмутимо отвечает Хайди. – Светло-голубая.

– В Брокен-Хилл мы закатывали рукава футболки, брызгали волосы красным лаком и вплетали ленточки в цвет.

Хайди смотрит на Мали так, будто это неплохая идея.

– Цветным лаком мы не пользуемся, но всегда носим форму: футболку и юбку.

– Я слышала, здесь зимой довольно холодно. Вы не носите треники?

Хайди пожимает плечами.

– Если ты станешь их носить, никто против не будет.

– Так что, ты в игре? – спрашивает Мали.

– Конечно. Буду рада.

Ливви визжит, подпрыгивая на месте.

– Здорово!

Я тихо поздравляю себя. Новая Я умна. Новая Я знает, как добыть нужную информацию. Бабушка записала бы меня в АСБР. Миссия выполнена. Конец связи.

Звенит звонок, входим в школу. У Хайди и Мали математика с мистером Энтони в соседнем кабинете. Я не думала, что городок достаточно велик, чтобы в школе было два восьмых класса, но многие ученики съезжаются сюда с близлежащих ферм и рыболовецких районов. Целый автобус прибывает с побережья, из городка Роб, до которого тридцать минут езды. Я втайне радуюсь, что Мали и Хайди со мной не на каждом уроке. Они приятные, но у меня чувство, будто я должна произвести на них впечатление. А потому с ними не могу расслабиться.

Мисс Хопкинс, пожилая учительница с вьющимися седыми волосами и крупными бедрами, начинает четвертый урок

с того, что спрашивает, не хочу ли я сказать пару слов о себе. Меня так и подмывает ответить: «*Какой новичок вообще хочет о себе рассказывать?*» Но я встаю перед классом и жду, когда она предоставит мне слово.

Двадцать шесть пар глаз уставились на меня. Конечно, мои щеки горят. Я чувствую, что начинают краснеть и уши. Парень в первом ряду толкает своего соседа, показывая на мои ноги. У меня останавливается сердце. Должно быть, он увидел мою кожу. Я наклоняюсь и подтягиваю гольфы. Он глупо ухмыляется.

– Начинай! – говорит мисс Хопкинс.

– Привет, я Эс Джей.

– Говори громче, Эс Джей, – требует мисс Хопкинс.

– Всем привет, я Эс Джей! (О нет, я сказала это слишком громко.) Говорить особенно нечего. Мы только что переехали. (Они это знают. *Тупица!*) Мои родители хотели жить у океана. (Успешно избегаю рассказа о том, что *мой папа учитель.*) У меня два брата, Дилан и Роун. (Скука.) Раньше мы жили в Брокен-Хилл. Я там играла в нетбол. Думаю, здесь тоже буду играть. (Заинтересованные взгляды от девочек.) На деюсь скоро получить новый велосипед. (Незаинтересованные взгляды.) В прошлом месяце, двадцать третьего числа, мне исполнилось тринадцать. (Начинаю потеть.) На выходных я познакомилась с Оливией Хамфрис. (Они это знают – она рассказала.) Мне нравится ваш Большой лобстер. Очень крутой. (Ни одной эмоции на лицах. Самоубийствен-

ная фраза.) Я сидела у него под хвостом. (Мое лицо сейчас, уверена, цвета лобстера.) Он такой огромный. (Уведите меня со сцены – *срочно!*) Я сфотографировалась рядом с ним и...

– Спасибо, Эс Джей, – говорит мисс Хопкинс, останавливая мой неконтролируемый словесный поток. – Очень... *по знавательно*. Ты знаешь, что у нас в классе есть еще Сэм?

Парень, который посмеивался над моими ногами, встает и приветствует меня. Темные волосы, карие глаза и глупая улыбка. Его нельзя назвать симпатичным, но что-то в нем есть, что-то такое, что не дает мне отвести от него взгляд.

– Привет, Эс Джей, – говорит он, растягивая слова. – Я Сэм-человек. Сэм-стратег. Сэм – победитель навек. Сэм...

– Эс Джей, – прерывает мисс Хопкинс, – познакомься с местным Доктором Сюзом¹³, также известным как Сэм Гренфелл.

Девочки захихикали, а мальчики одобрительно захлопали Сэма по плечу. Судя по этому теплому приему, Сэм – завидная пассия. Он подмигивает мне, и мое сердце делает сальто. Возможно, меня привлекает его явная уверенность – мы всегда хотим того, чего нам не хватает.

«Катастрофа, – шепчет Старая Я. – Он никогда бы не подмигнул тебе, если бы знал, что у тебя под одеждой».

Но Новая Я дает пощечину Мне Старой. Я улыбаюсь Сэму

¹³ Доктор Сюз, Теодор Сюз Гайсел (1904–1991) – популярный американский детский писатель и иллюстратор. Книги доктора Сюза полны фантазмагии, сюрреалистических приключений и игровых рифм.

в абсолютной эйфории.

Глава 4

– Мы знаем, что твой папа – учитель.

Мали разглаживает школьную юбку до тех пор, пока на ней не остается ни одной складки, хотя она и с самого начала выглядела идеально.

– Ты должна была нам сказать.

Обед. Ученики рассыпаны по кампусу. Кто-то на стадионе крутит сальто и колесо. Кто-то сидит на бетонных дорожках, скрестив ноги, зависая в телефоне, разбрасывая объедки и выкрикивая бессмыслицу. Некоторые бегут в библиотеку – место, которое папа называет убежищем обиженных и угнетенных. Но большинство играют в какие-нибудь спортивные игры: гандбол, баскетбол, футбол, нетбол. Хайди, Мали, Ливви и я бродим, болтаем и строчим что-то в телефонах.

– Почему ты не рассказала нам об отце? – спрашивает Мали.

Потому что, если папу станут ненавидеть так же, как Волан-де-Морта, меня вздернут первой.

Я пожимаю плечами.

– Разве это так важно?

– У какого класса он преподает? – спрашивает Хайди.

– Думаю, у двенадцатого. Мы особо не говорим о его работе. Это же скучно.

Мали удовлетворена ответом.

– Ну да, я бы тоже не стала. А чем занимается твоя мама?

Она тоже учитель?

Хайди и Мали отлично ведут допрос. Они могли бы зарабатывать этим на жизнь в телешоу «Безопасная граница», допрашивая подозреваемых в контрабанде наркотиков и тому подобном.

– Мама – библиотекарь. Во всяком случае, раньше работала библиотекарем. Сейчас она сделала перерыв.

Я не рассказываю им о том, что мама оставила работу из-за меня и всех этих бесчисленных походов по врачам.

– Она хочет когда-нибудь снова пойти работать.

Мали выглядит удивленной.

– Моя мама тоже не ходит на работу. Она украшает наш дом, покупает новую мебель и всё такое. Мама обставляет не *наш* дом, а загородный дом в Робе¹⁴ или в Гленелге¹⁵ в Аделаиде. Она постоянно занята.

Ого! Быть богатым – это как работа на полный день.

Хайди сует нос в мой ланч-бокс и взвизгивает:

– *Что это?!*

Я достаю батончик мюсли.

– Это просто здоровая еда, которую мне купила мама.

Я закатываю глаза.

¹⁴ Роб – город-курорт на побережье в Южной Австралии.

¹⁵ Гленелг – прибрежный пригород Аделаиды. Благодаря пляжу, множеству достопримечательностей и развитой инфраструктуре очень популярен среди туристов.

– Она сейчас *о-о-о-о-о-о-очень* увлечена здоровым питанием.

Мама положила мне еще листья салата с медовой органической пастой. Выглядит отвратительно, как детские кашки, а на вкус как остывшая каша. Мама упаковала в пакет ягоды годжи¹⁶, яблоко и батончик мюсли без орехов. У меня нет аллергии на орехи, но *зачем искушать судьбу?*

Ливви изучает батончик мюсли.

– Никогда такого не пробовала.

Мали фыркает и толкает Хайди локтем. То же самое я видела у них недавно, когда они секретничали.

– Ты должна это попробовать, Лив, – говорит Мали.

Ливви смотрит на меня.

– Можно?

– Пожалуйста.

Она хрустит батончиком, облизывая губы.

– Неплохо.

– В моей прошлой школе нельзя было брать с собой орехи, – говорю я им. – Мама до сих пор не избавилась от этой привычки.

Мали ворчит:

– Все эти запреты на орехи такие тупые. Из-за того что у *парочки* каких-то учеников аллергия на орехи, вся школа

¹⁶ Ягоды годжи – плоды дерезы обыкновенной, которым в современной массовой культуре приписываются полезные свойства. Известны также как волчьи ягоды.

должна страдать? Так глупо! Мама состоит в Консультативном совете родителей и учителей и говорит, что всегда голосует против запретов на орехи. Она считает, что, если есть особенные дети, пусть они катятся в специальную школу.

Ее слова жалят меня, как маленькие стрелы. Не могу поверить, что ее мама на самом деле говорила такое.

Хайди была с этим мнением полностью согласна.

– Помнишь того ученика, Деррика Уолтерса? Он перешел в другую школу. Его ужалила в шею пчела на физре. Ты бы его видела! У него раздулся лоб и заплыли глаза так, что их вообще не было видно. На следующий день в школе делали общую фотографию, и он всё испортил. Был какой-то весь красный и выглядел как придурок.

«Был красный и выглядел как придурок».

Ливви смеется:

– Тебе пришлось сидеть с ним рядом, помнишь?

Хайди фыркает.

– Даже не напоминай! Это было самое ужасное. Он чесался и чихал, а когда его опухшее лицо стало обычного размера, у него начала облезать кожа, и белые чешуйки валялись по всей парте. Сэм Гренфелл такой: «Фу, Деррик! Купи уже пылесос!» Было очень смешно.

Это сказал Сэм Гренфелл? Тот, который Сэм-человек? Мда, думаю, он точно не стал бы мне улыбаться, если бы знал правду.

– Гадость, – говорю я, подыгрывая. Новая Я умеет заме-

тать следы.

– Ты бы это видела, – говорит Мали. – Гадость – слишком мягкое слово для такого.

Звенит звонок. Я иду в класс, чувствуя одновременно тошноту и облегчение, будто в меня случайно не попали во время расстрела.

После перемены мисс Томас просит сдвинуть все парты в один угол класса. Она вкатывает стойку с телевизором. Все сидят на полу, скрестив ноги. Я сижу, сложив колени в одну сторону и опираясь на руку. Если я сяду как все, юбка задерется и будут видны мои ляжки. Мне придется сделать кулаком из юбки воронку, чтобы мальчики не видели мое нижнее белье, а иначе будет еще хуже.

– Сэм! – говорит мисс Томас.

Я не реагирую. Предполагаю, что она обращается к Сэму-человеку.

– Саманта Бэклер!

– Она Эс Джей, мисс Томас, – поправляет ее Ливви.

Мисс Томас бросает взгляд на Ливви.

– Спасибо, Оливия, но я обращалась не к тебе, верно?

– Верно, мисс Томас. Простите, мисс Томас.

– Эс Джей! Ты не могла бы взять один из тех стульев и сесть сзади?

Весь класс поворачивается и смотрит на меня. Мои щеки загораются огнем. *Что она хочет, чтобы я сделала?!* Она видела, как я болтала с Ливви в неположенное время? У ме-

ня проблемы? Но все разговаривали, разве не так?

– Ты не могла бы взять стул? – повторяет мисс Томас, показывая на стул. Будто я не знаю, что это такое. – Поставь его за ребятами.

Мое сердце рвется из грудной клетки. Щеки пылают. Я не спорю. Иду и выполняю. Тащу стул в конец класса и сажусь. Все шепчутся.

– Спасибо, – говорит мисс Томас с вежливой улыбкой.

Она выключает свет и включает DVD. Это документальный фильм о глобальном потеплении и о том, как люди должны изменить свои привычки, или все они обречены. *Прямо сейчас обречена я.* Я отзываю свои предыдущие оценки мисс Томас. Я ее ненавижу! Я хочу вырвать ее глаза и размазать очки по лицу. Я не понимаю. Какого черта я должна сидеть на стуле?!

Смотреть фильм, целый час сидя на жестком пластиковом стуле, неудобно. Во-первых, не на что опереться. Можно съехать назад, но только до тех пор, пока зад не съедет со стула. Кожа потеет от пластика и ноги сзади начинают чесаться. Я знаю по опыту свои пределы. Если переборщить, пойдет кровь, и в итоге вся юбка будет в кровавых пятнах.

Ловлю на себе взгляд рыжего мальчишки, который смотрит на меня через плечо.

Уверена, он видит, как я чешусь. Парень строит гримасы, будто хочет спросить: «Что это ты там делаешь?» А потом морщит нос, словно чувствуя неприятный запах.

Когда фильм заканчивается, звенит звонок, я встаю и тащу свой стул к парте. Ливви подходит и помогает собрать мои вещи. Все идут к выходу. Рыжий опять смотрит на меня, будто хочет что-то придумать.

– Эс Джей! – зовет мисс Томас. – Ты не могла бы ко мне подойти? Ливви, а ты подожди снаружи.

Ливви неохотно тащится к выходу.

Когда все ушли, мисс Томас смотрит на меня с сочувственной улыбкой.

– Я знаю о твоей проблеме. – Она делает паузу, очевидно, ожидая, что я что-то скажу. Я молчу. – Звонила твоя мама. Она сказала, что у тебя аллергия на пылевых клещей и тебе нельзя сидеть на ковре.

Я убью маму. Seriously, я убью ее.

– У нее был очень обеспокоенный голос. Я поняла, что срочно должна принять меры. Она сказала, что из города пришли результаты от аллерголога и чтобы я сообщила тебе это в общих чертах, а детали вы обсудите вечером дома.

Речь идет про анализ крови на иммуноглобулин, который я сдавала у доктора Гупта несколько недель назад. Значит, у меня всё же *есть* аллергия. Пылевые клещи. Погодите-ка, это что, значит, я должна сидеть на пластиковых стульях до конца жизни? И я буду торчать в конце класса *каждый* раз, когда нам включают кино? Боже!

– Когда я была маленькой, у меня был дерматит, – признается мисс Томас. – Мама мазала меня маслом какао, и всё

прошло. Ты пробовала масло какао?

Ее предложение меня раздражает. Люди *постоянно* хотят рассказать мне о том, что страдали чем-то подобным и что понимают, каково мне. И поскольку они чудесным образом справились со своим кожным недугом, эти самые люди предполагают, будто я лечусь неправильно или, хуже того, что я вообще никак не лечусь или не слежу за собой. И никто из этих благонамеренных людей и не думает, что мой случай отличается. Они просто этого не понимают.

– Сильно чешется? Ты принимаешь антигистаминные?

Ей надо заглянуть в наш шкафчик с лекарствами. Там коробки на коробках. Тюбики и тюбики крема с кортизоном. Дверца с трудом закрывается.

– Мне, как учителю, важно знать о таких вещах. Если состояние здоровья влияет на твою работу в классе, я могу помочь тебе справиться.

Что? Она думает, что моя голова – такое же слоистое месиво, как и моя кожа?

– Спасибо, я хорошо вижу и слышу, – говорю я сквозь сжатые зубы.

Она выпрямляется, поджав губы.

– Я *пыталась* сказать, что школе не всё равно.

Мне нравится слышать, что *школе не всё равно*, но не нравится то, что школа делает. Я молчу. После неловкой паузы мисс Томас добавляет:

– Тебе лучше пойти домой.

Я ухожу из класса. Ливви ждет снаружи.

– Что это было? – спрашивает она.

У меня не было времени подумать, как объяснить эту историю со стулом. Я была слишком занята гневом.

– Можешь не рассказывать, если не хочешь. – Но на ее лице застыла надежда. – Ты сделала что-то плохое? Знаешь, мисс Томас слишком подозрительная. Ей кажется, что кто-то ее обсуждает, хотя на самом деле никто этим не занимается.

– Да, – с благодарностью принимаю я этот вариант. – Она решила, что я на нее плююсь. Похоже, у нее комплексы?

– Точно.

Мимо проходит Сэм с приятелями.

– Привет, Эс Джей!

У него такой приятный голос, что я хочу спрятать его в бутылку, отнести домой и хранить под подушкой.

– Я думал, я здесь единственный плохой парень. Кажется, ты претендуешь на мои лавры?

У меня такое чувство, будто с каждой стороны языка у меня по обогревателю. Я наклоняю голову, чтобы скрыться за волосами. Он идет дальше, выставляя ладонь за спину, чтобы приятель ударил по ней.

– Слышу свадебные колокольчики, – дразнит Ливви.

– Да конечно!

Я смеюсь. Но мое сердце колотится. Я ему нравлюсь? То есть прямо *правда* нравлюсь? А что, если он хочет меня поцеловать?

Какое-то время я поглощена этой мыслью. Но потом на меня обрушивается реальность. *Приди в чувство, Эс Джей. А что, если он увидит твою кожу? Что тогда?*

Старая Я знает, что произойдет. Его вырвет. Он будет смеяться до упаду. Мой первый поцелуй с Сэмом станет последним.

Новая Я справляется не так хорошо, как я рассчитывала.

Глава 5

Мама настаивает на том, чтобы во время ужина мы собирались за столом *всей семьей*. Она правда старается. Телевизор выключен, на столе скатерть и салфетки под приборы. Салфетки в стаканах, как в ресторанах. Она достает крутящийся поднос и выставляет на него батарею соусов. С этим устройством дозволено иметь дело только маме. Всё потому, что однажды Роун раскрутил его и все бутылки выстрелили. На папу попал мятный соус. На маму – сладкий чили. На меня – вустерский. Стена за столом выглядела так, будто у нас остановился погостить Пикассо. Оказывается, крутящийся поднос может крутиться довольно быстро.

– Как прошел первый день в школе? – спрашивает мама, накладывая тако.

– Рада, что спросила.

– А что случилось?

– Мне пришлось сидеть на пластиковом стуле.

– Мне тоже пришлось сидеть на пластиковом стуле, – встревает Дилан, заталкивая в рот кукурузные хлопья. – И что?

Мама кладет на тако слишком много листьев салата. Это напоминает мне горы водорослей на пляже в Кингстоне.

– А, да, звонили от доктора Гупта, – говорит она. – Они сказали, что у тебя зашкаливает уровень иммуноглобулина.

Результаты первой партии кожных тестов показали, что у тебя аллергия на пылевых клещей и различные виды трав. Я подумала, что стоит сразу же позвонить в школу, чтобы они знали.

Перед тем как откусить тако, она выдавливает соус. Содержимое выстреливает в другую сторону.

– От них всегда столько грязи! Не понимаю, почему я это готовлю!

– Потому что я их обожаю! – говорит Роун, размахивая руками.

Братец никогда не сидит спокойно. Он как большой извивающийся червяк.

– Роун, – предупреждает отец. – Хватит танцевать на стуле.

Дилан хихикает.

– А ты танцевала на *своем* стуле, Эс Джей?

– Видите? – говорю я, в упор глядя на маму. – Если вы хотели наполнить мою жизнь унижениями, у вас получилось. Миссия выполнена. Отличная работа.

– Пылевые клещи везде, – говорит мама, не обращая внимания на колкость. – Они обожают жить в коврах, и поэтому ты больше не можешь на них сидеть. Если подумать, мы можем убрать ковровин и положить паркет. Хорошо бы узнать, является ли он собственностью Управления образования. Надо записать это в список дел. О, а здесь у меня даже картинки есть!

Она тянется к кухонному островку и хватается брошюру.

– Я почти весь день пылесосила и вытирала пыль. Ты понятия не имеешь, сколько это работы. И еще я постирала твое одеяло. Пылевые клещи *обожают* стеганные одеяла.

Я открываю брошюру. Вижу черно-белое изображение мерзкого жука инопланетного вида, ползущего по какому-то лунному ландшафту. *Это на него у меня аллергия?!*

– Дай посмотреть! – просит Дилан, вырывая брошюру. – Фу! Гадость! Они ползают у тебя по коже? – Он хватается мою руку и изучает ее. – Мам! Я ничего не вижу!

Я отпихиваю его и тоже смотрю на свою руку. Я знаю, что ничего там не увижу, но изображение меня тоже пугает.

– Они не *ползают* ни по чьей коже. – Папа берет брошюру у Дилана и передает ее Роуну, и у того округляются глаза при виде странного существа. – Пылевые клещи микроскопические. Только в этом доме их миллионы.

– Миллионы? – У Дилана открывается от удивления рот. – А они есть в моей кровати? А у мистера Снудлса?

– Нет, потому что я сегодня всё убрала. – Мама выразительно смотрит на папу. – В доме их больше не осталось.

– Мама права, Дилан, – соглашается папа, осознав свою ошибку. – Все пылевые клещи уже смыты в канализацию.

Дилан смотрит на маму прищурившись.

– А ты точно почистила мистера Снудлса?

– Да, и мистера Снудлса тоже, – отвечает мама. – А теперь ешь тако, а то остынет.

Он берет тако в руку, но не доносит его до рта.

– А что, если они вернуться?

– Думаю, я буду и дальше пылесосить. – Говоря это, мама смотрит прямо на меня.

Я знаю, что она не в восторге от этого. Постоянно пылесосить? Мама *ненавидит* пылесосить. Она всё время ноет по этому поводу.

Мама считает, что ей никто не помогает, но это неправда. Я видела, как папа вытирает посуду и выносит мусор. Всё, что от нее требуется, – пылесосить время от времени. Насколько это тяжело?

– А что с травой? – спрашиваю я. – Ты сказала, будто доктор Гупта считает, что у меня аллергия на траву.

– Как у тебя может быть аллергия на траву? – смеется Роун. – Это глупо!

– Это не глупо, – твердо говорит мама. – Если трава соприкоснется с кожей Эс Джей или она вдохнет пыльцу, возможно, это вызовет дерматит.

– Какую пыльцу? – спрашивает Роун с полным ртом тако.

– Пыльца берется от цветущих растений и деревьев. В воздухе содержатся споры. Таким образом растения размножаются, – говорит мама.

– И как мне избегать травы? – спрашиваю я. – Она везде!

Мама пожимает плечами.

– Думаю, не стоит на ней сидеть.

О-хре-неть. Теперь мне нельзя сидеть на ковре *и* на тра-

ве. Она вообще понимает, что половину времени в школе ты проводишь сидя на том или на другом? Что мне делать на физкультуре? Нам всегда говорят садиться на траву, пока учитель показывает новое упражнение. А если мне будут приносить пластиковые коврики, чтобы я на них сидела?

Пристрелите меня. Сейчас.

Моя жизнь кончена. Мне только что исполнилось тринадцать, и моя жизнь кончена. Я смотрю на папу.

– Пожалуйста, не заставляй меня делать это. Ну ты же знаешь, что такое школа. Дети просто звереют от такого.

– Мы не можем ставить под угрозу твое здоровье, Эс Джей, – говорит папа. – Было бы безответственно игнорировать советы доктора.

Я поворачиваюсь к маме.

– Ты не сделаешь этого!

Она мотает головой. Берет тако и запихивает его в рот, чтобы не пришлось спорить.

Да что с ними не так? Они что, не понимают?

Я встаю и отталкиваю стул. Он захватывает скатерть, тянет за собой, и все бутылки с крутящегося подноса разлетаются. Соус барбекю падает на пол.

– Ненавижу вас обоих!

Я хлопаю дверь и запираюсь в комнате. Слышу, как приглушенный мамин голос говорит что-то вроде «хорошо, всё прошло хорошо!».

Я включаю Spotify¹⁷ и швыряю подушки с кровати. Неужели я это заслужила? Они видят только мою кожу! Только о ней и говорят! Всё это «не сиди на ковре и на траве» – очередной безумный план, который окажется бесполезным, как и все безумные планы до этого.

Я смотрю на мягкий ворсистый кремовый ковер. С тех пор как мы переехали, я всё время на нем сижу или даже лежу. Я там читаю, распластавшись с подушкой под головой. В Брокен-Хилл я устраивала на ковре вечеринки с пищей и ночевками. И никогда после этого я не впадала в чесоточное безумие. Очевидно же, что это не делает моей коже хуже?!

Я решила, что они не смогут меня остановить. Я содрала с себя школьную юбку и села на ковер прямо в трусах, вытянув голые ноги и облокотившись на кровать. *Видишь это, доктор Гупта? Скорее звони в Клуб анонимных сидельцев на ковре!*

Смотрю на свои разодранные ноги. Экзема видна по большей части в складках за коленками и в верхней части бедер. Кожа там красная, покрытая коростой, с рельефными и пятнистыми буграми. При одном взгляде на нее мне хочется чесаться. *И плакать.*

Я запускаю пальцы в ковер, захватывая ворс. Отодвигаю часть ворса в сторону, разделяя волокна так, чтобы видеть под ним строчки. Там крошечные комочки грязи и немного

¹⁷ Spotify – интернет-сервис потокового аудио. (Примеч. ред.)

песка. Это здесь прячутся пылевые клещи?

Беру в руки книгу и пытаюсь читать. Чтение – моя палочка-выручалочка. Так я могу сбежать, стать кем-то другим, жить в другом месте, *заниматься* чем-то иным. Могу забыть и ни о чём не думать. Мои полки ломятся от книг, разноцветные корешки разной ширины и толщины торчат, расставленные по цвету и алфавиту. *По порядку*. Взгляд на них дает мне ощущение покоя. На стенах везде картинки – постеры или фотографии из журналов, плюс что-то я нарисовала сама. К пробковой доске прицеплены образцы тканей и принтов, которые мне нравятся, а еще части порванных украшений. На полу стоит самодельная керамика. Моя комната – это пещера Аладдина, полная сверкающих сокровищ, собранных, чтобы меня отвлечь. Но на этот раз не сработало. Я не могу перестать думать о пылевых клещах. Я жду, что сейчас что-то начнет происходить с моей кожей. Я чешу под коленками, хотя там даже не чешется. Снова пытаюсь читать. Читаю абзац и не понимаю, что там написано. Мой мозг лихорадочно работает. А что, если я не права? Что, если пылевые клещи *правда* перебираются с ковра на мою кожу? Если я болею из-за них?

Я залезаю на кровать. Смотрю на ноутбук и думаю, не загуглить ли пылевых клещей, но не могу себя заставить это сделать. Знаю, звучит странно, но я слишком боюсь искать что-то о своей кожной болезни. Одна девочка в Брокен-Хилл, Эмили Хокинг, однажды пыталась мне помочь,

прислав ссылку на рассказ о женщине, у которой в одном месте чесалась нога. Оказалось, что это рак, и женщине пришлось ампутировать ногу до колена. После этого у меня были кошмары. Я не могла отойти от стресса. Я решила, что *никогда* не буду больше гуглить. Я знаю, что существуют другие кожные болезни, но я ничего о них не знаю. Можно подумать, мне понравилось бы выискивать все возможные ссылки, чтобы найти то, что сможет помочь, но со мной всё наоборот. Я как Роун, когда он не хочет слушать и затыкает уши, напевая: «Ла-ла-ла-а». Знаю, это очень по-детски, но не могу иначе. Страх всему причиной.

Я действительно хотела, чтобы на новом месте всё стало по-другому. Но сейчас кажется, что моя старая жизнь возвращается. «*Переезжай в новый город. Придумай себя заново*», – сказала мама. Наверное, мне стоило попросить инструкцию, как это сделать.

Глава 6

К утру я уже умираю от голода. Я пробыла в своей комнате всю ночь. Я хотела, чтобы мама и папа поняли, что на этот раз всё серьезно – они не могут вываливать на меня всякую ерунду и ждать, что я подчинюсь.

Приняв в шесть утра душ и нанеся крем (а это занимает вечность), я направляюсь к холодильнику. Нахожу какие-то хлебцы, запикиваю их в тостер и жду, когда загорятся красные лампочки. Исхожу слюною. Не могу ждать. Нахожу коробку с печеньем, намазываю его медом. Я уже почти откусываю, когда чья-то рука выхватывает печенье прямо у меня из-под носа.

– Не так быстро, Эс Джей.

Мама, во всём великолепии ночной сорочки с фиолетовыми цветами, держит мое печенье. У нас за спиной из тостера выскакивают хлебцы.

– Что? Мне уже и позавтракать нельзя? Я умираю с голоду!

Я беру свои тосты и швыряю их на тарелку. Иду к холодильнику, чтобы взять масло, но, когда возвращаюсь, обнаруживаю, что мама забрала тарелку, положила туда печенье и убрала на стоящий позади стол.

– Это всё сделано из пшеницы, – говорит она. – Пшеница – это трава. Думаю, тебе стоит перестать есть пшеницу и

посмотреть, будут ли улучшения.

На какой-то момент мне кажется, что мама пытается меня наказать за вчерашний вечер, но потом я понимаю, что она предельно серьезна.

– Съешь йогурт. – Мама вытаскивает упаковку из холодильника. – Я купила ванильный. Думала взять клубничный, но клубника может быть аллергеном. Ты знала об этом? Я поискала в интернете. И захватила несколько книг в библиотеке.

В этом вся моя мама: можно избавиться от библиотекаря в библиотеке, но ты никогда не избавишься от библиотеки и библиотекарю.

– Я прочитала, что молочные продукты тоже могут навредить. И соевые. Орехи так просто ужас. Даже *не пробуй*. Еще морепродукты. И, конечно, бывает аллергия на отдельные продукты, например на апельсины или киви, но, честно говоря, если убрать их все из рациона, я не знаю, чем тебя кормить.

Наконец она перевела дыхание.

У меня урчит в животе. Я сильно хочу есть. Беру йогурт и ложку. Не трачу время на то, чтобы наложить его в миску, ем прямо из пачки.

– Думаю, мне стоит сводить тебя к другому доктору, – говорит мама, чавкая моим печеньем. – На днях, когда я ходила в аптеку тебе за глазными каплями, я разговорилась с хозяйкой аптеки, Бетти Уиндлбэнк. Она считает местного те-

рапевта, доктора Чарльзуорт, очень хорошим врачом. Бетти говорит, что в прошлом году у нее чесались и слезились глаза, а доктор Чарльзуорт ей очень помогла.

Еще один доктор. Хочу поспорить, но еще я хочу есть. Голод побеждает. Я отправляю в рот полную ложку.

– Я уже записалась. Мы должны быть там в девять тридцать.

– Сегодня? А как же школа? Это только второй день!

– Школа не против. Я предупредила, что ты опоздаешь.

Да, но одноклассники заметят, что я опоздала. Будут вопросы, и мне понадобятся ответы.

– По всей видимости, доктор Чарльзуорт специализируется на аллергиях. Нам повезло, верно? Я имею в виду, мы переехали в новый городок, и оказалось, что здесь для тебя есть прекрасное медицинское обслуживание. Возможно, нам не придется мотаться в большой город, чтобы записаться к специалисту. Очень удобно. Это должно сэкономить нам кучу денег.

Действительно удобно. Великолепно. Еще один доктор, еще одно мнение. Еще одно объяснение, еще одно лечение.

Мама направляется к комнатам мальчиков, чтобы их разбудить. Я стою на кухне и сжираю три четверти семейной упаковки йогурта. Я не остановлюсь, даже когда мне станет плохо.

Лучшее, что есть в комнатах ожидания в поликлиниках, –

это журналы. Папа не любит журналы. Он сердится, когда мама их покупает. Папа говорит, что они напичканы картинками того, как, по мнению массмедиа, должны выглядеть девушки, и смотреть на все эти фотографии, которым никогда не сможешь соответствовать, вредно. Мама обычно возражает, что она не глупа и читает журналы просто для развлечения, а не из-за рекламы. Если это правда, интересно, почему мама так бьется за то, чтобы изменить мою внешность?

Я листаю какую-то светскую хронику. Мама берет журнал для садоводов и уходит в него с головой.

У меня в журнале есть статья с заголовком «Как придать ресницам вау-объем». Интересно, Мали читала ее? Может быть, поэтому ее ресницы такие пушистые. Статья должна быть на странице тридцать три, но когда я долистываю до нее, то вижу, что страницы вырваны. Вместо этого там девушка в откровенном бикини. Это буквально три треугольника и ниточка. Одно неверное движение, и она, похоже, его потеряет.

Вот в чём дело. Мне нравятся мальчики, и я хочу узнать их получше, но, честно говоря, я втайне хочу смотреть на девочек. Мне нравится разглядывать их гладкую, чистую кожу, внимательно рассматривать, как она блестит, как притягивает загар и пышет здоровьем. Папа говорит, что фотографии в журналах отфотошоплены – на компьютере убраны все изъяны моделей: прыщи, пигментные и родимые пятна. Он утверждает, что в реальной жизни никто не выглядит

настолько идеально. Ему надо еще раз посмотреть на ноги Ливви. У нее лучшие ноги из всех, что я видела. К ней же никто не приходил с фотошопом, верно?

– Саманта Бэклер! – В дверях стоит седая женщина в самом уродливом кардигане во всей истории кардиганов.

Мама кладет свой журнал и шепчет: «Это мы». Можно подумать, вызывают какую-то *другую* Саманту Бэклер.

Мы идем за доктором Чарльзуорт и ее кардиганом по длинному узкому коридору. Наверное, этот кардиган вязала ее старая слепая бабушка. Оранжевые, розовые и черные полосы идут зигзагом, а между ними – маленькие бантики из лент и огромные пуговицы, похожие на макароны. Мода проехала по ней катком. Нужно срочно звонить в службу спасения.

Мы заходим в кабинет, и доктор Чарльзуорт закрывает дверь. Кабинет маленький и темный. Стоит стол, на котором ничего нет, даже телефона или листа бумаги. Высокая кушетка, покрытая белой простыней, книжная полка и два коричневых стула, приехавших прямым из семидесятых. На стене – плакат с изображением человеческого скелета. Всё. В центре внимания ее кардиган.

– Вы только что переехали? – спрашивает доктор Чарльзуорт у мамы, садясь в кресло. – Мы не нашли вашу карту. Ее пришлют?

– А, да, я организую это. – Мама ведет себя странно. Сжатые руки на коленях, спина прямая, нервная улыбка – будто

она на экзамене.

– В регистратуре мне дали кое-какую информацию. Вы пришли поговорить о Саманте?

Мама кивает слишком старательно.

– Да, доктор. Об ее экземе.

Доктор Чарльзуорт поворачивается ко мне.

– Это Саманта?

Тупица. А кого бы еще мама привела с собой?

– Да, – говорит мама. Затем выразительно добавляет: – У нее очень серьезная экзема, доктор. *Очень серьезная.*

Доктор Чарльзуорт встает и подходит к моему стулу.

– Закатайте рукава, пожалуйста.

Я закатываю рукава. Она наклоняется. На кончике носа заляпанные очки в золотой оправе. От нее пахнет чем-то похожим на средство, которым мама чистит ванну.

– Думаю, лучше ей снять одежду, чтобы я ее осмотрела.

Вы не против, миссис Бэклер?

Не против ли *мама*?! А как насчет меня? Я что, фигурка из картона?

– Я забыла сказать, миссис Бэклер. У нас сейчас работает стажер, его зовут доктор Трэвис. Вы не будете возражать, если я его позову?

Она сказала *его*? Это мужчина?

– Нет, конечно. Всё в порядке, – говорит мама. – Только так они смогут стать настоящими врачами. По учебникам ведь толком не научишься, верно?

Доктор Чарльзуорт указывает на сложенную тонкую рубашку на смотровом столе.

– Пусть ваша дочь разденется и наденет эту рубашку. Я вернусь через минуту.

Как только она закрывает за собой дверь, я шиплю:

– Я не хочу, чтобы какой-то мужчина на меня смотрел!

Я складываю руки на груди. В том месте особенно не на что смотреть, но всё равно!

– О, ради бога! Он не *какой-то*. Он врач. Он всё время смотрит на обнаженных людей. Он хочет посмотреть на твою кожу, а не на задницу!

Она стягивает мою кофту.

– Поторопись!

– Я могу сама!

– Чего ты ждешь? Они вернутся с минуты на минуту.

Я рисую пальцем круг в воздухе.

– О, ради всего святого! – фыркает мама, отворачиваясь. – Будто я тебя никогда не видела. Я вытирала твою попу, когда ты была младенцем, если ты забыла.

Я снимаю одежду и бросаю ее на пол у кушетки. Заворачиваюсь в рубашку, завязываю ее и пытаюсь залезть на кушетку. Почему их делают такими высокими? Где тут лестница? Из-за такой высоты у меня сейчас кровь носом пойдет.

– Теперь уже мне можно повернуться? – спрашивает мама.

– Если нужно.

Мама видит мои вещи, брошенные на пол. Вздыхает, поднимает их и складывает аккуратной стопочкой. Охает:

– Саманта! – держа мои трусы двумя пальцами. – Это ты могла оставить!

– Но она сказала снять одежду, это тоже одежда, разве не так?

Дверь открывается, и мама кидает мои трусы себе в сумочку. За доктором Чарльзуорт заходит парень, который выглядит как кинозвезда. Без шуток. Он будто вышел из декораций какого-нибудь фильма про докторов. Он доктор Сказочный. Доктор Восхитительный. Доктор Чарующий. И он собирается смотреть на меня – обнаженную!

Святые помидоры! Я хочу свои трусы назад. *Сейчас же.* Доктор Чарльзуорт представляет его:

– Это доктор Трэвис.

– Приятно познакомиться, Саманта.

У него американский акцент. Вау! Может быть, он из Голливуда?

– А вы, должно быть, мама Сэм? Рад встрече.

Мама выглядит так, будто прямо сейчас растает в своем кресле.

– Эм... Здравствуйте...

– Она раздета? – спрашивает доктор Чарльзуорт маму.

– Да, раздета, – говорю я до того, как мама успевает ответить. Почему доктор Чарльзуорт не говорит со мной? Пациент я!

– Ляг на спину и опусти рубашку до пояса.

Я делаю, как она просит, оставляя одну руку на груди. Доктор Чарльзуорт и доктор Трэвис подходят ко мне. Доктор Чарльзуорт включает яркую лампу. Свободной рукой я закрываю лицо, потому что свет раздражает глаза.

Я слышу шелест пластика и щелчок резинки. Чувствую, как кто-то трогает мой живот. Они в резиновых перчатках! Они что, думают, что могут что-то от меня подхватить?! Меня уже осматривали врачи, конечно, но не так. Это унижительно. Я хочу уйти! Я хочу пойти домой *сейчас же!* Я хочу убежать по дороге в своей тоге-рубашке-простынке-черт-знает-в-чём-еще, забраться под кровать и никогда больше оттуда не показываться.

– Видите, доктор Трэвис? Видите, как здесь отслаивается кожа?

Ее резиновые руки тычут и колют.

– Видите эту приподнятую и утолщенную кожу? Это от постоянного трения и расчесывания. А это видите? Здесь значительная атрофия.

Я чувствую на себе другие руки, но уже без перчаток – они теплые и мягкие. Кожа к коже.

Доктор Чарльзуорт цыкает.

– Нужно надеть перчатки, доктор Трэвис.

– Не вижу необходимости, – тянет он слова со своим прекрасным акцентом.

– Это должно быть привычкой, вне зависимости от необ-

ходимости, – говорит доктор Чарльзуорт. – Видите? Кожа лопнула и мокнет.

Я лежу не шевелясь, чувствуя на себе их руки, слушая их «хм» и «угу» и докторские разговоры на докторском языке, который я не понимаю. Они просят меня перевернуться на живот, чтобы осмотреть спину. Я *сама* никогда не видела свою спину. У мамы в спальне есть длинное зеркало, вмонтированное в стену, и я стояла перед ним, пытаюсь заглянуть через плечо, но моя шея не как у жирафа, поэтому я смогла увидеть только кое-что. Но я могу ее потрогать – она грубая там, где я чешусь, похожа на наждачку и вся в чешуйках. В неровных, бугристых, комковатых кусках, будто кто-то вымазал меня дегтем и обсыпал гравием. Как бы моя спина ни выглядела, я уверена, она совсем не похожа на спины женщин из журналов. Интересно, доктор Трэвис не начнет изрыгать свои кишки прямо на пол от такого зрелища? Я, должно быть, самое мерзкое из живых существ.

Я лежу лицом в простыню, а они водят руками по моим ногам. Я могу представить, что они трогают: вздутые круглые рубцы, потрескавшиеся и сочащиеся. Маленькие пятна запекшейся крови. Наросты, которые я соскребаю ногтями. Утолщения на коже, больше похожие на резину. И странные красные обожженные очаги, окруженные белоснежной кожей. Мое тело напоминает поле битвы: краснокожие берут верх над бледнолицыми.

– Вы не преувеличивали, миссис Бэклер, – говорит доктор

Чарльзуорт. – Ваша дочь, должно быть, жестоко страдает от своего состояния.

– Я не понимаю, – говорит мама, поперхнувшись.

Ну вот опять. Я уже слышала это миллион раз – речь, которую она произносит всем, кто готов слушать.

– Я не пила алкоголь во время беременности. Я не ела никакого мягкого сыра или копченого мяса. Когда она родилась, все медсестры восхищались ее мягкой молочной кожей. Я кормила ее грудью до девяти месяцев. Я не вводила слишком рано твердую пищу. Я не знаю, что я сделала не так.

– В этом нет вашей вины, миссис Бэклер, – говорит доктор Чарльзуорт.

– У моего мужа, Дэйва, летом бывает сыпь на внутренней стороне бедер. Однажды он пошел пятнами после того, как съел что-то острое в отпуске в Таиланде. А потом был случай... – Мама продолжает болтать, будто у нее нет кнопки «выключить».

– Можешь одеваться, Саманта, – шепчет доктор Трэвис.

Я сползаю с кушетки и смотрю на него. Я думала, что увижу на его лице гримасу отвращения. Вместо этого его прекрасные карие глаза улыбаются, будто со мной всё в порядке.

Доктор Чарльзуорт задерживает занавеску. Мамина рука просовывается снизу, трясая моим нижним бельем. Я хватаю трусы и надеваю.

Я слышу, как они говорят, но выключаю звук. Я делаю это не специально. В моей голове будто закрывается створка. Я

больше не в состоянии это выносить.

Каждый раз одно и то же. Никто из докторов не может дать ответ. Никто не знает, что вызывает экзему, и никто не может договориться о том, как ее лечить. У них у всех разные мнения. Они едины только в одном: попробуем то, попробуем сё и будем пробовать до тех пор, пока не натолкнемся на то, что сработает, будто я какая-то лотерея. Я такое страшилище. Почему я должна от всех отличаться? Почему я должна быть собой?

– Миссис Бэклер, думаю, нам стоит начать с того, чтобы определить для вашей дочери исключаящую диету, – говорит доктор Чарльзуорт.

– Что это такое? – спрашивает мама сквозь всхлипывания. Не могу поверить. Это я должна плакать.

– Это когда мы убираем из рациона питания практически всё. Сокращаем его до нескольких продуктов. А через некоторое время вводим остальные продукты заново. Если кожа будет реагировать, мы сможем это заметить и узнаем, вызывает ли дерматит что-то, на что у нее аллергия.

– Какие продукты? Чем она сможет питаться?

Я выхожу из-за занавески с носками в руке. Доктор Трэвис стоит в углу у двери. Он улыбается мне. Я улыбаюсь в ответ.

– *Эс Джей,* – представляю я, как он говорит, – *я вылечу тебя от этого ужасного заболевания. Я не только безумно хороша собой, я еще и потрясающе умна и знаю редкое растение, которое можно найти лишь в центре Галапагос-*

ских островов, а экстракт из него ценой невероятных усилий умеют добывать только два блестящих ученых – я и такой же харизматичный, но чуть менее привлекательный Чарльз Дарвин, – и с помощью этого экстракта твоя болезнь будет виртуозно побеждена. Я не позволю такой редкой красавице носить печать вероломного проклятия! Ты больше не будешь страдать! Я сейчас же организую поисковую экспедицию!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.